

Иван Ваганов
Игорь Ваганов

СТАЛИНГРАД - ОТ ПОРАЖЕНИЙ ДО ПОБЕДЫ

**Иван Ваганов
Игорь Ваганов
Сталинград –
от поражений до победы.
(Из дневника парторга)**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23461243
ISBN 9785448394812*

Аннотация

Документальная повесть «Сталинград – от поражений до победы» подробно, без прикрас рассказывает, как сражались наши деды и прадеды в донских степях в 1942—1943 годах. В основе этой повести лежит фронтовой дневник Ивана Ваганова, офицера 54-й механизированной бригады. Игорь Ваганов литературно обработал дневник своего деда, дополнил историческими сведениями, личными и семейными воспоминаниями об отдельных эпизодах биографии Ивана Ваганова, и полностью подготовил рукопись к изданию.

Содержание

Биография И. В. Ваганова	6
Предисловие Игоря Ваганова	7
Биография И. М. Ваганова	13
Предисловие Ивана Ваганова	14
Пролог	17
Часть первая. Отступление	20
Глава 1	20
Глава 2	22
Глава 3	25
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Сталинград –
от поражений до победы
(Из дневника парторга)**

**Иван Ваганов
Игорь Ваганов**

Редактор Игорь Владимирович Ваганов

© Иван Ваганов, 2017

© Игорь Ваганов, 2017

ISBN 978-5-4483-9481-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игорь Владимирович Ваганов

Биография И. В. Ваганова

Игорь Владимирович Ваганов родился 6 декабря 1960 года в городе Кизеле Пермской области. Жил в городе Челябинске, в городе Ермаке Павлодарской области. С 1975 года проживал в посёлке Кадуё Вологодской области. В 1984 году окончил Ярославский медицинский институт и вернулся в Вологодскую область. Жил и работал в Кадуе. В настоящее время работает врачом Череповецкой станции скорой медицинской помощи.

Литературным творчеством занимается более тридцати лет. Во время учёбы в институте участвовал в работе литобъединения при областной газете «Юность». Публикуется с 1982 года на страницах районных, городских, областных («Вологодский лад», «Вологодская литература», «Пятницкий бульвар» и др.) и общероссийских (газета «Правда-5», журналы «Посев», «НЛО», «Голос эпохи») периодических изданий. Действительный член Вологодского союза писателей-краеведов. В 2016 году награждён Благодарственным письмом мэра города Череповца Ю. А. Кузина «За вклад в развитие краеведения Вологодской области». Член литобъединения «Семизерье» Кадуёвского района. Автор восьми книг – проза, публицистика, краеведение.

Предисловие Игоря Ваганова

Неудержимый ход времени с каждым годом, каждым десятилетием, всё дальше отодвигает от нас монументальный исторический период, именуемый Великой Отечественной войной 1941—1945 годов. Уходят из жизни ветераны! Сейчас практически не осталось тех бойцов, кто отбивал натиск немцев летом 1941 года, очень немного участников битв за Москву и Сталинград. Более многочисленно поколение солдат призыва 1944—1945 годов, а также тружеников тыла, кто обеспечивал армию и страну боеприпасами и продовольствием. На первый план, как хранители памяти тех огненных лет, выступают сейчас «дети войны», которые пережили голодовку и бомбардировки, стояли у станка или убирали урожай вместе со взрослыми, провожали на фронт отцов и старших братьев и получали похоронки... В определённой мере хранителями памяти о войне являются также и внуки ветеранов. Они получили информацию о войне не только из книг, газет и кинофильмов, а в значительной степени из рассказов своих старших родственников и других фронтовиков. Личный опыт, историческое наследие каждой семьи по-своему уникальны, это информационные ячейки той гигантской панорамы событий, развернувшийся более 70 лет назад на территории нашей страны.

В нашей семье по линии отца и матери в годы войны на фронт ушли все мужчины призывного возраста, а мой дядя, Юрий Ваганов, начал воевать в неполные 16 лет (прибавив себе пару годков) и своё шестнадцатилетие встретил в окопах.

Мой дед по матери, Михаил Николаевич Грушин, погиб 26 января 1943 года под Курском, и его фронтовая биография мне практически неизвестна.

Мой дед по отцу, Иван Максимович Ваганов, ушёл на фронт на четвёртый день войны, воевал все четыре года на переднем крае, был участником Сталинградской битвы и закончил войну в мае 1945 года в Кенигсберге. На фронте он вёл дневник в виде коротких заметок (которые писал в перерыве между боями) и впоследствии, в 50-е годы, собрал эти заметки, перепечатал на печатной машинке, и у него получилась рукопись, которая пролежала «в столе» около пятидесяти лет. И только в начале XXI века я обратил внимание на эту, доставшуюся мне по наследству (среди других архивных документов) пыльную, перевязанную шнурком папку и добросовестно прочитал пожелтевшие от времени листки – воспоминания фронтового офицера. Прочитал и по достоинству оценил всю представшую передо мной информацию.

«Окопная правда» – так правдиво, без пафоса и ложной скромности, представляли свои произведения писатели-фронтовики, лейтенанты и капитаны, лично прошедшие

по дорогам войны, рассказывающие о фронтовых событиях без лакировки, без вранья.

«Окопная правда» – так пренебрежительно называли иные, обычно сами не нюхавшие пороха, маститые литераторы документальные и художественные произведения, описывающие детали фронтовой жизни, солдатский быт, о том, что ели-пили и о чём думали бойцы в боях и на отдыхе. Подобная позиция этих маститых литераторов, на мой взгляд, не совсем обоснованна, поскольку нам, потомкам фронтовиков (тем, у кого мозги ещё не заплыли от водки и не свихнулись в погоне за деньгами), интересны не только произведения, рассказывающие о великих полководцах и отдельных героях, но и те, в которых показаны рядовые участники боёв – бойцы и командиры, наши деды и прадеды, непосредственные исполнители приказов генералов и маршалов. И не случайно довольно часто фронтовые дневники становились основой талантливых художественных произведений.

В детстве я часто просил деда рассказать о войне. Кое-что он мне сообщал, но больше предпочитал писать о других фронтовиках, всерьёз занимался литературным творчеством, опубликовал ряд статей, издал семь книг (в том числе три книги о подвигах фронтовиков-уральцев). Отдельные эпизоды фронтовой жизни деда были известны моему отцу, Владимиру Ивановичу Ваганову, и его сестре (моей тёте), Людмиле Ивановне Вагановой, но всё равно эта информация была минимальной. Поэтому фронтовой дневник,

описывающий события, происходившие в 1942—1943 годах в донских степях и под Сталинградом, стал для меня настоящим откровением. В хронологическом порядке, с указанием не только даты, но и времени суток, дед лаконично (а иногда и подробно) описывал отступление к Волге, оборону Сталинграда и последовавшее затем освобождение донских станиц и хуторов. Повествование это строго документальное, сохранены истинные имена и фамилии однополчан деда, подробно рассказывается о поступках конкретных людей, об их разговорах и размышлениях.

Я понимал, что мой дед хотел в дальнейшем опубликовать эту рукопись, возможно, планировал провести какие-нибудь доработки, дополнения, но его преждевременная смерть оборвала все планы.

И я решил довести его работу до победного финала, потому что такая рукопись, как фронтовой дневник Ивана Максимовича Ваганова, не должна пылиться в столах, не должна бесследно исчезнуть. Была проведена длительная и кропотливая подготовительная работа, в ходе которой я убрал часть материалов, не связанных с данными событиями (в основном, солдатские бывальщины), а также сделал определённую литературную обработку. Книга была дополнена рядом исторических событий, происходивших под Сталинградом, семейными воспоминаниями о фронтовой биографии деда.

Впоследствии я дополнительно изучил ряд документов, переписывался с ветеранами – фронтовыми друзьями

И. М. Ваганова и другими участниками Сталинградской битвы.

Итогом этой работы и стало данное произведение – документальная повесть «Сталинград – от поражений до победы», подробно и без прикрас рассказывающая, как сражались и умирали наши деды и прадеды в донских степях в 1942—1943 годах.

В основе этой повести лежит, конечно, фронтовой дневник моего деда, Ивана Ваганова, офицера 54-й механизированной бригады, которая была сформирована на Южном Урале и комплектовалась, прежде всего, жителями Южного и Среднего Урала, а также – сибиряками и, впоследствии, моряками Тихоокеанского флота. По тому времени это была образцовая, оснащённая современным оружием воинская часть, личный состав которой передвигался не пешком, а на автотранспорте; в состав бригады входили танки, артиллерия, автопарк с различными видами транспорта. В период Сталинградской битвы 54-я механизированная бригада результативно действовала и в составе 66-й армии, и в составе 2-й гвардейской армии (в обоих случаях под командованием генерала Р. Я. Малиновского).

Все события, описываемые в дневнике Ивана Ваганова, сочетаются с описанием общего хода военных действий под Сталинградом, и, прежде всего, с действиями 66-й и 2-й гвардейской армии.

Иван Максимович Ваганов

Биография И. М. Ваганова

Иван Максимович Ваганов родился 23 сентября (6 октября) 1907 года в селе Беликуль Челябинской области. С 7 лет работал подпаском, в юности – коногоном на асбестовом руднике. В 1937 году окончил физико-математический факультет Свердловского государственного университета. Работал учителем в школе.

Участник Великой Отечественной войны. На фронт пошёл добровольцем на четвёртый день войны. Участник Сталинградской битвы. Победу встретил в Кенигсберге в мае 1945 года. Награждён правительственными наградами. Почётный гражданин города Цимлянска.

После войны работал директором средней школы в гор. Талице Свердловской области. С 1948 года работал в Челябинске учителем математики. В начале 50-х годов – заведующий отделом народного образования Metallургического района Челябинска, с 1951 года – директор школы №91.

Литературным творчеством начал заниматься ещё до Великой Отечественной войны. Занимался в литобъединении Челябинского металлургического завода; в начале 60-х гг. руководитель литературного объединения. Публиковался в городских и областных периодических изданиях. Автор семи книг – проза, публицистика.

Умер 6 сентября 1970 года в Челябинске.

Предисловие Ивана Ваганова

Как-то через много лет после того, как прогремели последние артиллерийские залпы Великой Отечественной войны, мне довелось встретиться с однополчанами. Как обычно бывает в таких случаях, то один, то другой задавали друг другу сходный вопрос: «А ты помнишь такого-то? А ты помнишь, как мы дрались там-то? А ты помнишь, как нас прижали фрицы у такого-то населённого пункта или реки?»

Словом, «а ты помнишь» повторилось не одну сотню раз. Со словами «а ты помнишь» мы вспомнили многое из тех, незабываемых дней, вспомнили и помянули добрым словом тех, кого больше не встретить, вспомнили холмики могил однополчан, скромные пирамидки с красными звёздочками, холодные зимние ночи, длинные переходы, студёные воды Дона, холмы и балки донских степей, украинское раздолье, гнилые болота Белоруссии и, наконец, прилизанную и подстриженную под один манер Европу.

Потом я прочитал своим однополчанам несколько фронтовых записей, чем вызвал новую волну воспоминаний и даже неприятностей. Мои однополчане набросились на меня:

– А почему ты их держишь дома? Эх ты, голова садовая! Секретничаешь. Шли, немедленно шли все свои записки в военное издательство.

Я стал отнекиваться, доказывать о том, что там и без меня

много рукописей. Ведь пишут писатели очень много о войне – То писатели, а это... Писатель – он, что спрашивает, а потом придумывает, а тут без этой самой выдумки, – возразили однополчане.

Я долго колебался, робел, думал. Писать об Отечественной войне – это очень сложное дело. Да и написано о ней много: писали и пишут писатели, журналисты, генералы и адмиралы. Пройдет ещё много лет, а интерес к ней не ослабнет, будут рыться в архивах, собирать воспоминания в народе от внуков и правнуков участников Отечественной войны. Будут домыслы и догадки, фантазии писателя, и всё будет приближаться к эпохе сороковых годов, годов самых тяжёлых испытаний для нашей Родины, нашего народа. Можем ли мы, участники Отечественной войны, не рассказать нашему поколению о том, как их деды, отцы и матери отстаивали независимость нашей Родины.

Итак, по совету, вернее, настойчивому требованию однополчан я сел за переписку своих фронтовых записей. Наша отдельная бригада принимала участие во многих операциях. Её путь пересекает нашу страну от польской границы до Волги и обратно до Шпреи. Наша бригада принимала участие в великом сражении на берегах Волги. Вначале она была отдельной частью, потом вошла в состав 66-й армии, потом была включена в 6-й механизированный корпус и во 2-ю гвардейскую армию. Но ведь это не так уже важно, в какой армии мы были, а важно то, что мы были крупинкой той армии,

которая на берегах великой русской реки Волги уничтожила отборные фашистские войска, а на просторах Донских степей сломала хребет врагу.

О том, как сражались наши солдаты и офицеры, о том, как они выполнили долг перед Родиной, мне хотелось бы рассказать. Это будет неполный рассказ, это будет рассказ только о маленьком круге людей. Но если сотни и тысячи участников Отечественной войны расскажут, о том, как они и их товарищи сражались или о том, что они видели и пережили. Это будет вклад в сокровищницу Великой Отечественной войны. Надо полагать, что рассказы участников Отечественной войны будут слабыми в художественном отношении. Но ведь дело не только в высокой художественности, а в правде жизни. Мне хотелось бы видеть воспоминания рядовых участников Отечественной войны.

В своих записках я беру только Донской поход. Зима 42—43 года: эта зима положила начало разгрома гитлеровских полчищ. Писал я так, как сохранилось в моих коротких записях и памяти. Писал о своих полковых друзьях, о простых советских людях.

Пролог

21 июня 1941 года учитель математики одной из средних школ Свердловска Иван Максимович Ваганов отправился с выпускниками десятого класса (классным руководителем которого он был долгие годы) на одно из озёр, которыми всегда славился Урал. Поздно вечером, сидя у костра, его теперь уже бывшие ученики строили различные планы на будущее: кто-то хотел пойти работать на завод, кто-то мечтал поступить в институт или техникум, некоторые собирались стать профессиональными военными.

Быстро пронеслась короткая июньская ночь. А наутро, возвратившись в город, все узнали о том, что началась война, и немцы уже бомбят западные окраины страны.

На второй день войны (официально его уволили с работы на четвёртый день войны), Иван Максимович ушёл добровольцем на фронт (он был направлен в один из военных лагерей Свердловска, где формировались маршевые роты свердловчан, ревдинцев, тагильцев, горняков близлежащих рудников и колхозников окрестных сёл).

(Из дневника И. М. Ваганова. Точная дата неизвестна.)

Никогда не сотрётся из памяти ясный июльский день сорок первого года, когда наша колонна покидала воинские

казармы. Стройные ряды батальонов растянулись по улице Луначарского. Рабочие, колхозники и служащие, одетые в военную форму, бодро шагали по мостовой. Это были первые формирования Отечественной войны, и проводить нас пришли жители большого города. Играл духовой оркестр, по улице плыла мелодия строевой песни. Я помню, прекратилось тогда трамвайное движение по улице Луначарского, а люди, провожая нас, не отрывали своих взглядов от крепких уральских пареньков. Это было естественно. У многих среди нас были сыновья, братья, любимые или просто товарищи.

Вскоре мы миновали дом Промышленности, оперный театр, пересекли улицу Ленина и мимо дома Красной армии, мимо пионерского парка спустились к вокзалу. Здесь было также многолюдно. Проводить нас пришли представители общественных организаций. Было много сказано тёплых слов и пожеланий. С ответным словом выступил высокий, стройный солдат, с приятным лицом и большими карими глазами. Это был Пётр Захаров, вчерашний рабочий одного из Тагильских заводов.

На фронт мы тогда ехали как одна семья. Многие солдаты и офицеры были из одних цехов и колхозов. Ехали два брата Овчинниковы из Камышлова, братья Сохрановы из Ревды, отец и сын Медведевы из Свердловска. В полку не было такого человека, у кого бы не было родственников или общих знакомых. Но скоро военные дороги нас разъединили, разве-

ли в разные стороны.

Часть первая. Отступление

Глава 1

В конце января 1942 года советские войска попытались совершить наступательные действия против немцев в направлении Барвенково. Операция проходила в постоянном напряжении, поскольку противник сумел основательно укрепить свои оборонительные рубежи. (Наступление продолжалось 13 дней.) К 24 января 1942 года противник выдохся, и 24 января наша кавалерия ворвалась на улицы Барвенково, была также отбита у противника железнодорожная станция Лозовая. Но силы наших войск вскоре иссякли, наступательные действия прекратились, хотя продолжались фланговые бои. Окончательно Барвенковская наступательная операция закончилась 31 января 1942 года. В результате наша армия продвинулась в западном направлении на 90 километров в виде так называемого Барвенковского выступа.

Весной 1942 года немецкое командование попыталось взять инициативу в свои руки. К этому времени на советско-германском фронте было собрано 217 дивизий и 21 бригада (80% сухопутных войск вражеской коалиции). В начале мая 1942 года войска вражеской коалиции захватили Керченский полуостров, начался штурм Севастополя, и в июне

немцами было сосредоточено против защитников города до 300 тыс. солдат, свыше 400 танков, около 900 самолетов.

Одновременно с этим начались бои в районе Харькова. Наши войска рвались на оперативный простор из узкого горлышка Барвенковского выступа и огибали при этом Харьков с юга. В то же время другая воинская группировка, действовавшая со стороны Волчанска, огибала Харьков с севера. Планировалось, что обе эти группировки сомкнутся и стиснут немцев в солидный «котёл». Но этим планам не суждено было сбыться. Соппротивление противника нарастало, наше материально-техническое снабжение отставало. Были просчёты со стороны командования, которое не смогло правильно оценить обстановку. 16 мая 1942 года было последним днём нашего наступления. 17 июня начался прорыв группировки танков Клейста с юга в направлении Барвенково. Одновременно войска Паулюса наступали с севера. После полудня немцы заняли Барвенково. 19 мая возникла реальная угроза полного окружения наших войск в районе Барвенковского выступа. Против танков Клейста была брошена в бой кавалерия Плиева. Шансов на успех не было, тем более, что действия Клейста были поддержаны самолетами 4-го воздушного флота Рихтгофена. 23 мая Клейст и Паулюс полностью отсекли от основных сил Барвенковский выступ и окружили все армии маршала Тимошенко.

Глава 2

В мае 1942 года с группой офицеров, возвращавшихся из госпиталя, Иван Ваганов пришел в село близ Барвенково, где был питательный пункт, и можно было перед отправлением в свой полк поесть и получить сухой паёк.

Война шла уже второй год, оккупанты шагали по исконным русским областям, рвались к основной водной артерии страны – к Волге. Все жители многонациональной России давно уже поняли, что отсидеться по углам не удастся – в противном случае немцы достанут и в глухой тайге, и в степях, и в горах. Надо сражаться до последнего патрона каждому в соответствии своим знаниям и воинской подготовке. А шкурникам и трусам дорога одна – под трибунал!

К этому времени вчерашний школьный учитель математики стал опытным боевым офицером и политработником, парторгом полка. Не счесть кровопролитных боёв 1941 года, в которых ему довелось участвовать. Ивану Ваганову пришлось отступить по болотам Белоруссии, терять земляков, боевых товарищей. Теперь он на всё имел своё собственное мнение. Как-то раз, когда наши войска «по тактическим соображениям» оставили Минск, Иван Ваганов в разговоре сказал своему знакомому офицеру из политотдела: «Что-то много мы сдаём городов по тактическим соображениям!» Дорого обошлись Ивану Ваганову эти слова. В этот же день

он был вызван в политотдел, и много пришлось ему услышать различных эпитетов по своему адресу. Он был назван трусом, паникёром, но так и не понял, почему мы оставляем сёла и города. Не понял потому, что был воспитан на цитате, которая говорила о том, что чужой земли мы не хотим, но и своей земли ни одного вершка никому не отдадим, что на удар врага ответим тройным ударом, что войну поведём на территории того государства, которое осмелится навязать нам войну. А что получилось: мы отступаем, мы отдаём свои города и целые области. И это не только потому, что на нас внезапно напали, но потому, что мы оказались слабее. Противник сильнее нас в воздухе, у него больше танков и пушек. Иван Ваганов всё время думал: знали ли наши старшие военные товарищи, что враг нас сильнее? И Ивану Ваганову казалось, что они знали. Так почему же они молчали?

Принимавший пополнение офицер намекнул на то, что денька два-три они могут в полки не являться. По его словам, на фронте было тихо и боевых операций не предвиделось.

Но у питательного пункта вновь прибывших встретил майор и предложил садиться в дивизионные и полковые машины, предусмотрительно задержанные им.

Досадуя на то, что не пришлось отдохнуть хотя бы один денёк, все сели в машины. Рядом с Иваном Вагановым устроился политрук Шешунков, за спиной сели два солдата арти-

дивизиона. Шофёр тотчас нажал на педаль, дал газ, и машина, как застоявшийся конь, сорвалась с места, стремительно пролетела по улице, выскочила из села и запылила по узкой полевой дорожке. Миновав гряду курганчиков, шофёр притормозил и медленно спустился в лесистую балку. Как только машина оказалась на дне балки, Шешунков положил ладонь на плечо водителя. Тот остановил машину и обернулся.

– Скажи, кому пришла в голову такая мысль, чтобы встретить нас?

Водитель не успел, ответить. Раздались первые взрывы сброшенных бомб. В этот же день противнику удалось между Лозневой и Изюмом прорвать фронт, и бросить в брешь мощные танковые колонны.

Глава 3

(Из дневника И. М. Ваганова. Ориентировочно конец мая 1942 года.)

Героически защищая каждый метр земли, наши войска медленно откатывались на восток. Вот уже позади остались Барвенково, Константиновка, Красный луч, Ровеньки. Впереди – Гуково, Свердловск, Краснодон, Лихая... Да мало ли сёл и городов в Донбассе и на Дону, все не перечесть. Но каждый раз, как только позади остаётся село или город, сердце обливается кровью. Кровь постепенно рассасывается, а рубчик, след пережитого, остаётся.

Отступление. Как тяжело произносить это слово. Но ещё тяжелее отступить. Идёшь и разбрасываешь по степным дорогам разбитые повозки, пушки и пулемёты и оставляешь самое дорогое – под свежими могильными холмиками фронтовых друзей.

Отступая, мы несли большие потери в живой силе и технике. Многие полки были сведены в батальоны, а батальоны в роты. Особенно пострадала батарея старшего лейтенанта Кружкова. Боеспособным в ней можно было считать только расчёт сержанта Шабалина. Но и в нём не хватало трёх человек. Сержант всё время надоедал Кружкову, выпрашивал хотя бы одного человека. Но взять его было негде.

И вот, когда уже смирились с нехваткой людей и перестали ждать пополнение, оно прибыло. Двух человек дали и в расчёт сержанта Шабалина.

Первый, стройный, высокий и довольно подвижный, с русыми вьющимися волосами – шофёр Дементьев, вошёл в расчёт как в собственный дом. Сидевшим на лафете пушки солдатам он помахал ладонью правой руки и громко сказал:

– Привет братьям славянам!

– Наше вам, – с лентой поворачиваясь на голос Дементьева, ответил наводчик Тюменцев, плотный коренастый солдат, с обветренным до черноты лицом.

Но Дементьев его не слышал или сделал вид, что не слышал. Он прошел мимо солдат и остановился у автомашины, хозяйским взглядом осмотрел изрепечённый пулями и осколками кузов, носком сапога пнул в переднее колесо и подмигнул сам себе.

– Покрышечка бывала в передрягах. Видать не одну тыщёнку километров отмахал. – Он ещё раз пнул в покрышку. – Накачано что надо. А как остальные, посмотрим. Ага, ага! – изо всей силы ударяя по следующей покрышке, бормотал Дементьев. – Видать водитель с душой был, – сделал он вывод и в один миг оказался в кабине. Ступни ног привычно встали одна на педаль тормоза, другая на кнопку стартера. А широкие ладони рабочих рук легли на баранку.

– И здесь всё на своем месте, – проверив тормоза и зажигание, сказал Дементьев, ловко выскочил из кабины и стал

внимательно осматривать мотор.

Ощупав каждую трубочку и винтик, неторопливо вытер руки сухой тряпкой и, довольный уходом за машиной, вытащил из кармана кисет. Развернул его, угостил всех крепким самосадом. Рассказал анекдот, показал фотокарточку любимой девушки, полевода колхоза, и, сунув вещевой мешок под сидение, молодецкато подошёл к осанистому плечистому сержанту.

– Товарищ командир орудия, водитель Дементьев прибыл для продолжения службы.

– Следовало бы в первую очередь представиться, а потом в машине копаться, – строго заметил Шабалин.

– Виноват, товарищ сержант, – Дементьев щёлкнул каблуками и приложил пальцы к виску, – душа по технике натосковалась. Не утерпел, – ответил он, озорно сверкая открытыми, добродушными глазами.

Подтянутый, чисто выбритый, в начищенных до блеска сапогах, в сдвинутой чуть на бок пилотке, разбитной шофёр по душе пришёлся сержанту. Но он всё же искал предлога к чему бы придраться, чтобы осадить слишком языковатого солдата. Из-под ухарски сдвинутой на бок пилотки выбилась прядь русских волос. Она-то и явилась подходящим предлогом. Нахмутив брови, Шабалин сурово посмотрел на Дементьева.

– Вам известно, что солдат не дьячок?

Дементьев промолчал.

– На передке бывали? – не снижая сурового тона, спросил Шабалин.

– Приходилось и на переднем крае бывать. А больше всего по кюветам валялся. Наше дело шоферское, прижмёт стержень к земле и не выпускает. В этом году в трёх местах меня продырявило. Да и машин не одну угробил. Последнюю под Изюмом оставил, а сам на четвереньках выбирался. Так что и на передке бывал.

– Ясно, – ответил сержант и повернулся ко второму солдату, стоявшему чуть в стороне.

Это был солдат лет тридцати пяти, среднего роста, плотно сколоченный, с красными воспалёнными от бессонницы глазами, томным задумчивым взглядом. В складках загорелого продолговатого лица застыла не то неоконченная мысль, не то тревога.

– Семенихин. Петр Семенихин, – не соблюдая устава, представился он сержанту.

– В боях участвовал?

– Какие там бои? Необученные мы. В запасном, под Воронежем, неделю подергали и толкнули к вам.

– А сам откуда?

– Да Воронежский и буду. Кузнец я. В колхозной кузне работал. А тут, на тебе, воевать пришлось.

– Ничего не поделаешь. Война – тоже работа и, пожалуй, не легче кузнечного ремесла.

– Как знать, – ответил Семенихин и замолчал.

Глава 4

(Из дневника И. М. Ваганова.)

...Прошло десять дней. Десять дней постоянных боёв. Круглые сутки в небе кружили немецкие самолёты, постоянные бомбёжки и обстрелы разрушали коммуникации, вызвали значительные потери среди личного состава и боевой техники. А вокруг горели города и сёла, горела донская степь.

Пропахшие порохом и степною гарью солдаты попятись. Оставили один хутор, второй, станицу, город. В один из напряжённых дней расчёт Шабалина придали лейтенанту Файзулину для прикрытия переправы на реке Чир.

– Стоять придется насмерть, – прощаясь с расчётом, сказал командир дивизиона.

– Постараемся выстоять, – как всегда спокойно ответил Шабалин.

– Насмерть! – произнёс Семенихин, когда скрылся командир дивизиона. – Легко сказать стоять насмерть. Против танка и самолёта с трехлинейкой, так и получается, смерть, а больше ничего. От нашей пукалки не ахти какая польза. – Он с недоверием посмотрел на пушку.

– Это ты о чём говоришь? – спросил Шабалин.

– О том, что с голыми руками мы против немца стоим.

Вот и приходится всё отступать и отступать. Половину России так, за спасибо, Гитлеру отдали, – с болью в сердце сказал Семенихин и стал скручивать папироску.

Я стоял чуть в стороне среди солдат, которым предстояло, возможно, умереть на пологом берегу степной речушки, но дать возможность основным силам уйти от удара врага. Оказавшись невольным свидетелем такого разговора, я просто не нашёлся, как ответить. Возможно, не надеялся потому, что уж слишком от души были произнесены Семенихиным эти горькие слова.

Скрутив сигарку, Семенихин взглянул на Шабалина и сказал:

– Говорили, что мы любого врага скрутим. А что получилось? Стыд. Немец с нами, как кошка с мышонком играет.

От всего сердца произнесённые слова Семенихина говорили о том, что он, простой колхозник, тяжело переживает то горе, которое обрушилось на нас и нашу родину. Вот почему я не вмешался в разговор, мне не хотелось ещё больше отягощать горе...

Прикрывшись взводом автоматчиков и двумя станковыми пулемётами, расчёт Шабалина занял оборону на дальних подступах к переправе. С задачей любой ценой остановить врага. Не дать ему возможность в течение дня прорваться к переправе.

Расчёты пэтээровских ружей и автоматчики оседлали дорогу. Два пулемёта расположились на вершине кургана

чуть в стороне от глубокой балки.

Командир группы прикрытия, лейтенант Файзулин, низкорослый, плечистый, с чёрными волосами и такими же глазами, осмотрев, как расположились солдаты, собрал младших командиров и заговорил:

– По всем данным противник должен вот-вот появиться и по всей вероятности начнет атаку с двух направлений: танками по шоссе и пехотой из балки. Наша задача: отразить натиск врага, не дать ему возможность прорваться к переправе. В целях полного уничтожения врага, приказываю: командирам пулемётных расчётов прижать пехоту противника к земле и уничтожить, командиру пушки и истребителям танков как можно ближе подпустить танки противника и бить по ним только наверняка. Бить не только из ружей и пушки, но и рвать связками гранат, жечь бутылками с самовоспламеняющейся жидкостью. Но помните: строго запрещаю палить в белый свет как в копейку. Боеприпасы беречь. Бить только в цель. Ясно?

– Ясно, товарищ командир, – ответили младшие командиры и разошлись по местам.

Атака началась именно так, как предполагал лейтенант Файзулин. Вначале из-за лесной посадки на полной скорости выскочило до десятка танков и двинулись по дороге. Вслед за истошным рёвом моторов и разрывами снарядов последовала частая автоматная трескотня – это пехота противника густой цепью высыпала из балки и бросилась к око-

нам автоматчиков. В этот же момент с фланга раздалась пулемётная трель. Несколько гитлеровских солдат замертво сунулись вперёд головой. Остальные залегли. Когда они попытались подняться, пулемётчики снова открыли огонь. Гитлеровцы плотнее прижались к земле, но не остановились. Прислушиваясь к гулу моторов, они ползли вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.